

мас. 10453

с. 2.

предостережения против «чрезмерной поспешности»

собрание постановило возбудить ходатайство об от-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

«Три года», рассказ А. П. Чехова («Р. М.», 1—2).

I.

Рассказ г. Чехова «Три года», помещенный в двух первых книжках «Русской Мысли», прошел незамеченно, не возбуждая в публике никаких толков ни за, ни против. Он не принадлежит, очевидно, к числу особенно ярких и блестящих произведений, оставляющих по прочтении сильное впечатление и на долго прельщающихся в память, и к тому же в нем нет ни законченного, самодовольного сюжета. Автор просто на-просто рассказывает без затей день за день три первые года вступившей в брак четы и внезапно прерывает свой рассказ, как говорится, ни на чем, на загадочном восклицании героя: «оживить — увидишь», и читатель остается в недоумении; ему предоставляется самому угадать, что должно последовать далее.

Там же неفته, рассказ г. Чехова заключает в себе весьма любопытные картины современной русской жизни, и в нем есть надъ чем поразмыслить.

По содержанию своему рассказ принадлежит к той же категории, как и «Бабье царство» г. Чехова же, помещенное года два-три тому назад также на страницах «Русской Мысли». Здесь, в своем очерке, изображаются нравы современного московского первоаппелляционного купечества, которое в последнее время так часто пародирует в нашей беллетристике. Не мало надъ этикет купечества потрудились гг. Боборыкин и Вас. Ив. Немирович-Данченко; в последнее же время принялся за него и г. Чехов.

Но у г. Чехова это самое купечество изображается несколько иначе, с других сторон; чем у гг. Боборыкина и Вас. Ив. Немировича - Данченко. Там — почти дало по большей части с представителями крупных купеческих фирм, советам уже облеглошавшимся, принявшим вполне весь внешний облик цивилизации, с головы до пят являющимися похотками на любого французского и английского капиталиста и в то же время не рискующими ударить в грязь лицом в самом наивеликосветском салоне. Поэтому, подобные герои вседозволенным, всеблаженным, горды и смело идут своею дорогою, без малейших колебаний или смущений совести. Вспомните хотя-бы Камчатова в романе г. Боборыкина «Черепашка».

Советам не таковы герои из крупного купечества, изображенные г. Чеховым. Мы видим в них нечаянную раздвоенность и вичное сидение между двумя стульями. Они являются воспитанными в домостроевских порядках темного царства, в том же обезличивающем режиме, который так ярко рисуется в картинах Островского и так глубоко разобрал в знаменитой статье Добролюбова «Темное царство». Образование самое высшее не в силах оказывается возродить их и освободить от тлетворного влияния это-

го режима; оно только освещает тот мрак крошечный, в каком они прозябают, показывая им все их нравственное ничтожество, но вместе с тем внушает им горькое сознание безвыходности их положения, — зависящей от полного отсутствия в них воли и энергии выйти на какую-нибудь новую дорогу. Перед нами какие-то ублюдки: полуевропейцы, полуазиаты, у которых интимная жизнь задних комнат совершенно расходится с жизнью парадных покоев. Так Анна Акимовна (в «Бабьем царстве») блестя бриллиантами и платьями, заказываемыми у Ворта, способна на каком-нибудь великосветском обеде или рауте поддерживать спор о теории Дарвина и в то же время в задних комнатах своих апартаментов грызть орешки и хоронить золото с подружками; рядом с флиртом на французском диалекте с раздвоенным гвардейцем может плетиться чумаком рабочим на своем заводе. Но ни великосветские обеды и рауты, ни строгое исполнение дворовых обрядов, ни флирт с гвардейцами, ни увлечение кочегарами или слесарями, — не приводят ни к чему: барин все-таки некуда дѣвать время, не к чему приложить свои молодые силы, некуда дѣвать своих богатств, и она только и дѣлает, что томится своею праздностью, безволием и неумением жить и что-либо дѣлать путное.

II.

Таких же Гамлетом замоскворѣчья, унылою жертвою темного царства является перед нами герой «Трех годов» Алексей Федорович Дантев.

Дантевы представляли собою одну из крупнейших московских фирм. Они в Москве ведут оптовую торговлю галантерейными товарами: бахромой, тесьмой, аграмантом, газальною бумагой, пуговицами и пр. Состояние их, считая одну только деньги и ценные бумаги, равняется шести миллионам рублей. Валовая выручка достигает двух миллионов в год; чистый же доход определяется приблизительно в триста тысяч, причем говорят, что он был бы тысяч на сто больше, если бы старик «не раскидывался».

Во главе фирмы стоял Федор Степанович, купчина высокого роста и чрезвычайно крепкого сложения, с широкою, как у акробата, грудью и с большими руками, так что, несмотря на свои семьдесят лет, морщины и сутулую спину, все еще имѣл вид здорового, сильного человека. Говорил он тяжело, густым, гудящим басом, который выходил у него из груди, как из бочки. Он брил бороду, носил солдатские, подстриженные усы и курил сигары.

Это был человек старого закала, воспитанный вполне в домостроевских порядках замоскворѣчья и крепко за них державшийся. Там, служащий жилось у Дантевых очень плохо, а старик по отношению к ним держался какой-то хитрой политики. Никому не было известно, сколько жалованья получали его любимцы Печатилов и Макничев; получали они не больше, как по три тысячи в год вместе с наградами, он же дѣлал вид, что платит им по селу; наградами выдавались каждый год

уважаемой газеты воссоздать полный текст моего письма

на службу Императрицей Екатериной II.

всѣмъ приказчикамъ, по тайно, такъ что получившій мало долженъ былъ изъ самолюбія говорить, что получилъ много; ни одинъ служашій не зналъ, когда его произведутъ въ приказчики; ни одинъ служашій не зналъ, доволенъ ли хозяинъ, или нѣтъ. Ничто не запрещалось приказчикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, по они не женились, боясь не угодить своею женитьбою хозяину и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже замирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служашихъ и говорилъ то одному, то другому: «А, ну-ка, дыхни!»... и если отъ него пахло алкоголемъ, то ему читалось длинное наставленіе.

Каждый праздникъ служащіе обязаны были ходить къ ранней обѣдѣ и становиться въ церкви такъ, чтобы ихъ всѣхъ видѣлъ хозяинъ. Посты строго соблюдались. Въ торжественные дни, напримѣръ, въ именины хозяина или членовъ его семьи, приказчики должны были по подникѣ подносить сладкій пирожекъ отъ Флея или альбомъ. Жили они въ нижнемъ этажѣ дома на Пятницкой и во флигелѣ, помѣщались по трое, по четверо въ одной комнатѣ, и за обѣдомъ ѣли изъ общей миски, хотя передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка. Если кто изъ хозяевъ входилъ къ нимъ во время обѣда, то всѣ они вставали.

Отношеніе-же старика къ домохозяевамъ было еще хуже, и вполне уже пошло домохозяевскій характеръ. Онъ женился, когда ему было 45 лѣтъ, на семнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Она боллала его, какъ звѣря, блѣднѣла и дрожала въ его присутствіи. Первою родилась дочь Нина отъ сравнительно здоровой матери и потому вышла крѣпче и лучше своихъ братьевъ. Сыновья-же, Алексѣй и Федоръ, были зачаты и рождены, когда мать была уже окончательно запугана и истощена постояннымъ страхомъ. Отецъ началъ учить нашего героя или, попросту говоря, бить, когда ему не было еще и пяти лѣтъ. Онъ стѣлъ его розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ, и мальчикъ дрожалъ въ его присутствіи и, просыпаясь каждое утро, дѣлалъ прежде всего: будутъ - ли сегодня драть его? Играть и шалить дѣтямъ запрещалось. Они должны были ходить къ утрени и къ ранней обѣдѣ, цѣловать попомъ и монахамъ руки, читать дома акафисты. Когда мальчику было восемь лѣтъ, его уже взяли въ амбаръ; онъ работалъ, какъ простой мальчикъ, и ео такъ были почти каждый день. Потомъ, когда его отдали въ гимназію, онъ до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ-же амбарѣ, и такъ до 22 лѣтъ, пока университетъ не эмансипировалъ его отъ родительской власти, и онъ ушелъ изъ родительскаго дома подъ вліяніемъ своего товарища и друга Ярцева.

III.

Но университетъ, развивши умъ героя, внушивши ему сознаніе всего ужаса и всей мерзости его домашней жизни, въ то-же время не въ силахъ былъ измѣнить его натуру, привить ему сильный характеръ, отвагу, мужество и т. п. Изъ него развился человекъ въ полномъ смыслѣ этого слова невзрачный, ничтожный,

мелкій, не способный ни на какой рѣшительный шагъ и не знавшій, что ему дѣлать съ миллионами, которые тяготили его и угнетали, какъ кошмаръ. Онъ былъ увѣренъ, что миллионы и дѣло, къ которому у него не лежала душа, испортить ему жизнь и окончательно сдѣлаютъ изъ него раба; онъ представлялъ себѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкнется со своимъ положеніемъ, войдетъ въ роль главы торговой фирмы, начнетъ тупѣть, стариться и, въ концѣ-концовъ умретъ, какъ вообще, умираютъ обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающихъ. Но что-же мѣшало ему бросить и миллионы, и дѣло, и уйти изъ дома и со двора, которые были ненавистны ему съ дѣтства? И онъ сознавалъ, что мѣшало ему то-же самое, вслѣдствіе чего черная дворняжка валялась на камняхъ, а не шла въ поле, въ лѣсъ, гдѣ она была независима, радостна. И ему, и этой собацѣ мѣшало уйти со двора, очевидно, одно и то-же: привычка къ неволѣ, къ рабскому состоянію.

И во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни у него было одно и то-же болѣзненное раздвоеніе. — «Видителіи, говорилъ онъ своимъ пріятелямъ, я думаю, что большинству современныхъ капиталистовъ давно уже указалъ самъ опытъ, что не въ деньгахъ счастье, что деньги зло и проч. Но для того, чтобы начать иную жизнь, у нихъ не хватаетъ увѣренности. Ни одинъ изъ нихъ не увѣренъ окончательно, что бросить деньги это — хорошо. А у меня лично не только нѣтъ этой увѣренности, но даже иногда кажется, что если бы отецъ далъ мнѣ сразу миллионъ, то я сдѣлалъ-бы много хорошаго».

И тутъ-же рядомъ вслѣдъ затѣмъ онъ началъ увѣрять того-же пріятеля, что тотъ заблуждается, воображая, будто онъ можетъ сдѣлать много добра.

— Вы вчера, говорилъ онъ, просили меня за какого-то математика, кончившаго дурно, который безъ мѣста и прочее. Вѣрите, я могу сдѣлать для него такъ же мало, какъ вы. Правда, я могу дать денегъ, но, вѣдь это не значитъ помочь. Какъ-то у одного извѣстнаго музыканта я просилъ мѣста для бѣднака-скрипача, а онъ отвѣтилъ такъ. «Вы обратились, именно, ко мнѣ потому, что вы не музыкантъ». Такъ и я вамъ отвѣчу: вы обращаетесь ко мнѣ за помощью такъ увѣренно потому, что сами ни разу еще не были въ положеніи богатаго человека.

Лаптевъ зналъ фамиліи всѣхъ извѣстныхъ художниковъ, съ нѣкоторыми былъ знакомъ и не пропустилъ ни одной выставки. Иногда лѣтомъ на дачѣ онъ самъ писалъ красками пейзажи и ему казалось, что у него развитое чутье и много вкуса и что если-бы онъ учился, то изъ него, пожалуй, вышелъ-бы хорошій художникъ. Но бывали у него минуты особеннаго настроенія, когда онъ не сомнѣвался, что живопись и скульптура на него не дѣйствуютъ вовсе и что въ нихъ онъ ровно ничего не понимаетъ. Дома у него были картины все большихъ размѣровъ, но плохія: хорошія - же были дурно повѣшены. Случалось ему не разъ платить дорого за вещи, которыя потомъ оказывались грубою подделкою. И такихъ пріемовъ много. Между тѣмъ, онъ не могъ припомнить ни одного факта, который говорилъ-бы за развитое чутье и богатство души. И онъ считалъ, что робкій въ собра-

нихъ, въ театрѣ, у себя въ амбарѣ, онъ былъ снѣлъ и самоувѣренъ на картинныхъ выставкахъ. Сознаніе, что онъ можетъ купить всѣ эти картины, придавало ему увѣренность, и онъ всякій разъ ловилъ себя на этомъ и ему становилось неловко. А когда онъ, стоя передъ какой-нибудь картиной, высказывалъ громко свое сужденіе, то что-то на самой глубинѣ души, должно быть, совѣсть, шептала ему, что въ немъ это бурлитъ яровъ купца-самодура и что онъ, такъ смѣло критикующій художника, мало отличается отъ брата своего Федора, когда тотъ отчитываетъ провинившагося приказчика или учителя...

IV.

Такую-же прискорбную раздвоенность и нравственную несостоятельность обнаруживаетъ Лаптевъ и въ своихъ любовныхъ дѣлахъ. Такъ, мы видимъ, что онъ жилъ свободной любовью съ нѣкоей музыкантшей Разсудиной. Это была глубоко честная натура, жившая исключительно трудомъ. Ей было уже 30 лѣтъ. Она была замужемъ за педагогомъ, но давно не жила съ мужемъ. Средства къ жизни она добывала уроками музыки и аккомпанировала въ квартетахъ. Онъ былъ многимъ ей обязанъ. Познакомился онъ съ нею у своего друга Ярцева, которому она преподавала теорію музыки. Она полюбила его сильно, совершенно безкорыстно. Сойдясь съ нимъ, она не допускала даже мысли о подаркахъ и попрежнему продолжала ходить на уроки и трудиться до изнеможенія, и, живя съ ней, онъ еще больше укрѣпился въ сознаніи, что счастье не въ деньгахъ. Благодаря ей, онъ сталъ понимать и любить музыку, къ которой раньше былъ почти равнодушенъ.

И вдругъ, гостя въ провинціи у сестры своей Нины, онъ увлекся дочерью доктора Юліей, сдѣлавъ ей предложеніе и предложеніе его было принято, хотя онъ вполнѣ сознавалъ, что Юлія его не любитъ. Ему было обидно, что на его великодушное, чистое, широкое чувство отвѣтили такъ легко: его не любили, но предложеніе его приняли только потому, что онъ богатъ, то-есть предпочли въ немъ то, что самъ онъ цѣнилъ въ себѣ меньше всего. Пожалуй, можно допустить, что Юлія, дѣвушка чистая и вѣрующая въ Бога, ни разу прямо не подумала о деньгахъ и о роскошной жизни, но, вѣдь, она не любила его, значитъ, руководилъ ею только расчетъ, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ осмысленный, но все-же расчетъ. Какъ иногда бываетъ жалъ прошедшей молодости, такъ и ему теперь было жалъ своей восторженной, поэтической, первой и, вѣроятно, единственной любви, которая нашла себѣ мѣсто въ такомъ обыкновенномъ, банальномъ романѣ. Домъ доктора былъ ему противенъ своею мѣщанской обстановкой, самъ докторъ представлялся жалкимъ, жирнымъ скрагой, какимъ-то опереточнымъ Гаспаромъ изъ «Корневильскихъ колоколовъ», само имя Юліи звучало уже вульгарно. Онъ воображалъ, какъ онъ и его Юлія пойдутъ подъ вѣнецъ, въ сущности, совершенно не зная другъ друга, безъ капли чувства съ его стороны, точно ихъ сваха сосватала, и для себя онъ могъ придумать только одно утѣшеніе, такое-же пошлое, какъ и самый этотъ бракъ, что онъ не первый и не послѣдній, что такъ жоняется и выхо-

дятъ замужъ тысячи людей и что Юлія съ теченіемъ времени, быть можетъ, покороче узнаетъ его и полюбитъ. Онъ не обвинялъ ни Юлію, ни себя, по ему было обидно на судьбу, на жизнь, которая складывалась такъ, а не иначе...

И несмотря на то, что ему, какъ Подколесину, хотѣлось выпрыгнуть въ окно, т. е. бѣжать въ Москву изъ города, гдѣ жила его невѣста, онъ, все-таки, пошелъ съ нею подъ вѣнецъ и устроилъ у себя дома соотвѣтствующій подобнаго рода браку семейный адъ для того, чтобы потомъ упрекать себя: почему онъ устроилъ себѣ семью не съ Разсудиной, которая его такъ любила и была уже на самомъ дѣлѣ его женой и подругой? Помимо того, что это былъ единственный человѣкъ, который былъ къ нему привязанъ, развѣ не было-бы благодарною, достойною задачей дать счастье, пріютъ и покой этому унылому, гордому и замученному трудомъ существу?...

И что-же мудренаго, что, въ результатѣ всѣхъ этихъ гамлетовскихъ штатаній, рефлексій и сидѣній между стульевъ, у Лаптева вырвались нижеслѣдующія горькія слова, когда братъ его Федоръ замѣтилъ ему, что они не прохвосты какіе-нибудь, а представители нечистаго купеческаго рода.

— Какой тамъ именитый родъ? Драный родъ! — крикнулъ Лаптевъ въ сильномъ гнѣвѣ и швырнулъ стулъ къ камину. — Драный, ханскій родъ! Дѣла нашъ уже не были крѣпостными, но инѣ за достовѣрное извѣстіе, что пошѣщали его драги, драги... и каждый послѣдній чинюшникъ билъ его въ морду. Отца драгъ дѣдъ, меня и тебя драгъ отецъ. Драный, поганый, подлый родъ!... Что насъ съ тобой далъ этотъ твой именитый родъ? Какіе не вы и какую кровь мы получили въ наслѣдство? Вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дѣячло говоришь всякій вздоръ, и вотъ написалъ, — вѣдь, а холопскій бредъ! А я, а я? Посмотри на меня... Ка моллюскъ, мозглякъ какой-то, ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ точно меня выпоротъ, я робѣю передъ ничтожестями, идиотами и скотами, стоящими немѣримо выше меня умственно и нравственно; я боюсь дворничихъ швейцаровъ, поющихъ дѣмъ, а заграничей я какъ виноватый... Я родился отъ затравленной тернъ, съ дѣтства я забитъ и запуганъ!... Мы съ бою хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣла. Нами долженъ комчиться этотъ родъ. иначе — и я въ этомъ глубоко убѣжденъ, — въ слѣдующихъ поколѣніяхъ мы дадимъ трусовъ, преступниковъ и сумасшедшихъ!

Боже, сколько неподкрашенной жизненной правды всемъ этомъ! Лаптевъ — это живой, осязаемый каждый шагъ встречающійся въ нашей жизни типъ это прямое наслѣдіе темнаго царства, логическое послѣдствіе. Онъ такъ и напрашивается на обобщеніе въ самомъ широкомъ видѣ, и не трудно было доказать, что въ каждомъ изъ насъ заложено съ мовещной силой Лаптева, въ немъ въ томъ другомъ отношеніи Лаптева!

А. Славичевскі